УДК 327.2:114:115.4:116

Комлева Н.А.

Несколько замечаний относительно природы и типологии геополитических пространств

Комлева Наталья Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
E-mail: komleva1@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «пространство» в применении к сфере геополитики. Анализируется сущность геополитического пространства и его структура. Выделяется типология геополитических пространств. Отмечается, что в постиндустриальную эпоху изменяются акторы и технологии борьбы за ресурсы геополитических пространств.

Ключевые слова: пространство, социальное пространство, социальное время, энергонасыщенность, спатиальность, темпоральность, геополитическое пространство, структура геополитического пространства, типы геополитических пространств.

Пространство – основная категория геополитического дискурса. В научной литературе дается множество определений понятия «геополитическое пространство»[1]. Однако, на наш взгляд, потребность в таковых определениях неизменно сохраняется, в том числе и по причине разнообразия коннотаций соответственно сложности феномена пространства самого по себе.

Вопрос о сущности и структуре геополитического пространства неизбежно встает в связи с любым дискурсивным действием относительно реалий геополитического процесса. Без решения вышеуказанной проблемы затруднительно исследовать феномен геополитических ресурсов, а именно: их специфики и вытекающей из данного обстоятельства особенностей их практического использования, поскольку эти параметры дифференцируются именно структурой геополитического пространства.

Для социального (и, в значительной мере, геополитического) пространства данные вопросы подробно рассмотрены в работах М. Фуко, П. Бурдьё, А. Лефевра, М.В. Ильина, А.Б. Докторовича, О.Н. Тыняновой. Последняя, в частности, справедливо отмечает: «…наиболее адекватной формой превращения географической территории в геополитическое пространство представляется социальное пространство, а наиболее корректным способом его концептуализации – теория динамического социального пространства А.Б. Докторовича. <…> совокупность элементов, каковыми являются социальные поля, сформированные действиями, взаимодействиями и отношениями, которые можно квалифицировать как геополитические (то есть как направленные на установление власти над территорией и обеспечивающие эту власть), **есть векторное пространство**...»[2]. Принципиальным, с нашей точки зрения, является вывод: «…такое понимание пространства и процесса его формирования (спатиализации) / трансформации – путем изменения числа (типа, силы) социальных действий, взаимодействий и отношений как субъект-объектных (где объектом выступает тот или иной элемент организации конкретной территории), так и субъект-субъектных (по поводу указанных элементов) – является зримым воплощением тезиса А.М. Молчанова “нынешняя структура есть следствие вчерашней кинетики”. В этом смысле выводом из теории динамического социального пространства А.Б. Докторовича является утверждение, что в любом (организованном) социальном пространстве в «свернутом» виде присутствуют все как предыдущие (имманентно), так и будущие (имплицитно) социальные процессы»[3].

Таким образом, качество социального пространства и его энергонасыщенность определяются преобладающим в соответствующих полях характером и качеством потенциально возможных и реализованных / реализующихся в

[1] См., напр.: Тынянова О.Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах «Пространство и время». 2013. Т. 3. Вып. 1: Пространство и время границ. Режим доступа http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-1/, дата обращения 07.11.2013.

[2] Цитируемый автор подчеркивает в этой связи, что, с одной стороны, такое пространство является абстракцией, что «отмечали… и П. Бурдьё, и А. Лефевр (у последнего пространство – «конкретная абстракция»)», которая есть «мысленная модель действительности, «вспомогательный прием мышления», позволяющий представить ее (действительности) многообразие»; с другой стороны, «сами социальные поля подобны силовым полям» (Там же).

[3] Там же. В цитируемом фрагменте упоминаются следующие источники: Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9 (5). С. 4–13; Молчанов А.М. Возможная роль колебательных процессов в эволюции // Колебательные процессы в биологических и химических системах. М.: Наука, 1967. С. 274–288.

этих полях социальных взаимодействий и отношений: если энергия здесь есть мера работоспособности социальных систем, то их энергонасыщенность – мера возможности этих систем вступать во взаимодействия и отношения.

На рубеже XIX и XX вв. развитие физики, философии, социологии и языкознания (прежде всего семантики и семиотики) способствовало тому, что в XX в. в оборот социальных и гуманитарных наук вошли термины «спатиальность» (М. Фуко, А. Лефевр, М.В. Ильин) и «темпоральность»[1].

Под спатиальностью мы, в рамках данной статьи, будем понимать и (по М.В. Ильину) собственно бытие в пространстве всех социальных (социально-политических) форм, и все виды рефлексии этого бытия, – т.е. не только упоминаемое Мишелем де Серто «антропологическое», поэтическое и мифическое, но и любое социально ориентированное «ощущение пространства»[2]. К таковым, как мы полагаем, может быть отнесен и сложившийся в зарубежной социологии начиная со второй половины XIX в. подход в области… социального времени: «Проблема социального времени поднималась, в частности, П.А. Сорокиным, утверждавшим, что понятие времени, пригодное для описания перемещений материальных тел, часто не подходит для характеристики социальных и культурных процессов, для которых необходимо использовать другой вид времени – «социальное пространство», то есть он рассматривал категории “социальное пространство” и “[социальное] время” как тождественные. Подобных же взглядов придерживался и Г. Спенсер, полагавший, что “время измеряется единицами пространства”»[3]. К данному подходу мы еще вернемся. Пока же заметим, что темпоральность как термин для описания сущности и скорости изменений «собственных» (внутренних) взаимодействий и отношений применимо не только к социальным институтам, но и к полям социального пространства и к нему самому в целом.

Итак, пространство – в нашем случае пространство социальное – это одновременно и совокупность социальных агентов, и сфера объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных **взаимодействий и отношений**. При этом если в социологии пространство мыслится как включающее в себя подпространства (поля) – экономическое, политическое, культурное, информационное, – то для современного социально-философского и политологического дискурса характерно расширительное понимание термина «пространства». В зависимости от доминирования соответствующих полей, в которых разворачиваются взаимодействия и отношения объектов и субъектов, пространствами в этих дискурсах оказываются не только географическое и социальное, но и экономическое, политическое, культурное, информационно-кибернетическое, информационно-идеологическое.

«Под социальным пространством понимается… такое пространство, которое,.. стремится реализоваться [в физическом пространстве] … включая в себя все поля социальных взаимодействий: экономики, культуры, права, науки, информации, религии и другие. Структура социального пространства порождается и изменяется в результате взаимодействий его полей. …Социальное поле – это социальное подпространство, в котором реализуется один тип или малое число типов социальных взаимодействий и отношений»[4]. Это позволяет нам говорить о том, что пространство (социальное) может определяться не только как совокупность объектов / агентов и как сфера их взаимодействий и отношений, – *оно может также определяться и как собственно совокупность самих этих взаимодействий и отношений*.

Вопрос, в рамках данной статьи, состоит в следующем: **какова природа взаимодействий, определяющих пространство именно как геополитическое**?

Изначально геополитика возникла, как это следует из самого ее названия, как наука о взаимодействии географического пространства (полагающего префикс «гео» в названии науки) и политической системы общества («политика»). Иначе говоря, классическая геополитика XIX – первой половины XX вв. была наукой о влиянии географической среды на внутреннюю и внешнюю политику государства и изучала степень детерминированности политических решений географическими характеристиками. Такая направленность науки была вызвана, несомненно, спецификой индустриального производства в тот период времени: основным типом ресурсов, обеспечивающих производство, а следовательно, выживание и развитие общества, в то время были природные и природно-социальные, т.е. те, что помещались по преимуществу в географическом пространстве. Переход к постиндустри-

---

[1] «Темпоральность (от англ. *tempora* – временные особенности) – временна́я сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам» (Современная западная философия. Словарь / Под ред. В.Н. Садовского. М.: Изд. полит. литературы, 1991. С. 298). Термин «темпоральность» восходит к концептам Dasein – «подлинного существования – и «подлинного времени» М. Хайдеггера (Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001). В языкознании термин «темпоральность» с конца 60-х –70-х гг. XX в. используется применительно к т.н. текстовому времени – текстовой категории, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени – реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением (Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2003). Позднее П. Бурдье, говоря о природе «практического чувства», подчеркивал темпоральную природу практической деятельности. В современной отечественной политической науке термин «темпоральность» широко использует М.В. Ильин – создатель и глава школы хронополитических исследований и геохронополитики – для описания собственного времени политических систем.

[2] Серто М. де. Практика повседневной жизни. Часть III. Пространственные практики // Прогнозис. 2010. №1 (20), С. 153.. Ср. хрестоматийное «пространственное чувство» того или иного народа у «отца основателя» геополитики Ф. Ратцеля и введенный в оборот Л.В. Смирнягиным термин «аспатиальность» – пониженная реакция национальной культуры на географическое пространство, на три его главные ипостаси: расстояния, границы, место; бесчувственность к расстояниям, низкая способность к (само)организации пространства; безразличие к пространственному фактору своего обитания или безразличие культуры к восприятию пространства вообще (Пространства России / Под ред. Д.Н. Замятина. М., 1994; Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108–115).

[3] Сывороткин В.Л., Тынянова О.Н. Тезисы о физической и социальной природе времени // Система Планета Земля (Нетрадиционные вопросы геологии). Материалы XX семинара / Геологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 533–544. Авторы приводимой цитаты ссылаются на: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000; Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 2: Классификация наук [Электронный ресурс] // Библиотека «Полки букиниста». Режим доступа: http:// society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html

[4] Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала…

альной стадии развития человечества повлек за собой изменения и в типологии геополитических пространств. В постиндустриальную эпоху с ее новыми источниками энергии и новыми, неприродными материалами, с преобладающим значением интеллектуальных ресурсов и информации как производительной силы, изменились и «базовые» пространства для осуществления политической деятельности внутри и вовне страны. Таковыми стали пространства экономическое и информационно-идеологическое. Информационно-кибернетическое пространство возникает и функционирует в качестве вспомогательно-коммуникационного, обеспечивающего как взаимосвязь экономического и информационно-идеологического пространств, так и взаимодействия внутри таковых.

Таким образом, **взаимодействия и отношения, в совокупности образующие геополитическое качество пространства, – есть взаимодействия субъект-объектного типа, содержанием которых является овладение ресурсами выживания и развития человеческих сообществ.**

Потребности выживания и развития, изменяясь в зависимости от типа производства материальных и духовных благ и сами изменяясь в ходе потребления данных благ, имманентно содержат стремление к овладению ресурсами как для производства, так и для потребления. Поскольку данные потребности, однородные у одновременно сосуществующих различных человеческих сообществ, сопрягаются с фактором известной ограниченности ресурсов любого рода, возникает неизбежная борьба за ресурсы между человеческими сообществами, имеющими для обеспечения эффективности такой борьбы специальные институты – государство (чаще всего) либо структуры негосударственной природы: глобальные и транснациональные корпорации, некоммерческие и неправительственные организации различного рода. Т.е. содержанием геополитики как науки и практики является борьба государств и негосударственных акторов за ресурсы выживания и развития соответствующих человеческих сообществ, происходящая в определенных типах пространств, содержащих данные ресурсы.

Однако возникает также и второй вопрос: в паре «ресурсное пространство – потребляющее общество», обеспечивающем именно геополитические взаимодействия, какова природа «общества»? На наш взгляд, это никоим образом не «общество само по себе», «социум производящий и потребляющий», но прежде и чаще всего – **нация как политически оформленная совокупность этносов (нация-государство)**. Общество «само по себе», «как таковое», мыслится как абстракция, замкнутая сама на себя, не являющееся частью географического пространства и не имеющая выхода на него (не способная присваивать его в том смысле, в каком об этом говорят Бурдье и Лефевр). При потребности объяснить биологические аспекты существования социального возникает понятие «окружающая среда» – как правило, мыслящаяся **вне аспекта ее структурированности** – такое платоновско-ньютонианское «вместилище»… В «Научно-техническом энциклопедическом словаре» находим: «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА, комплекс физических и биологических условий в пространстве, окружающем организм»[1]. «Естествознание. Энциклопедический словарь» определяет окружающую среду чуть иначе – как «окружающий человека природный и созданный им материальный мир»[2]. Второй вариант определения окружающей среды, несколько видоизменяясь по содержанию в зависимости от характера словаря (Социологический, Юридический, Современный толковый, Большой энциклопедический словари), преобладает.

Окружающая среда, в отличие от пространства, не является совокупностью взаимодействий, но рядоположенностью физических, биологических, социальных объектов – **поверхностью, ландшафтом**…

В ландшафте может действовать что и кто угодно: отдельный организм – биологический или социальный, совокупность таковых организмов, но это **никогда не системное взаимодействие,** поскольку ни ландшафт, ни субъект не мыслятся в данном случае как системно организованные сущности. **Пространство же как совокупность взаимодействий системно организовано**, и в случае геополитического пространства субъектом организации выступает в такой же мере системно организованный субъект – **нация**.

Нация (нация-государство, преобладающий феномен XVII–XX веков[3]) выступает носителем власти (сувереном) в особого типа государстве, где суверен де факто – не отдельный монарх и не династия, а народ в целом (ибо даже в эпоху абсолютизма государи оказывались вынуждены считаться с мнением подданных, в противном случае приобретавших форму народных восстаний, дворцовых переворотов и цареубийств). Нация-государство – как производящий и потребляющий социальный субъект – имеет достаточно совокупной мощи для борьбы за ресурсы выживания и развития, а также для обеспечения победы в данной борьбе, поскольку именно государство обладает наибольшими материальными, организационными и юридическими возможностями и полномочиями, чтобы противостоять иным организованным субъектам борьбы за ресурсы.

Особо значимым моментом является то, что, в отличие от возможностей большей части «новых акторов» геополитического процесса, возможности и полномочия нации-государства имеют **легитимный характер**. В силу этого нация является субъектом прежде всего геополитических взаимодействий, и создается именно для этих целей. Не случайно нации-государства формируются и функционируют в период глобального освоения, раздела и передела географического пространства на ступени индустриального развития цивилизации. Окончательное оформление индустриальной цивилизации – а вместе с ней и нации-государства – происходит во второй половине XIX в. Тогда же возникает и собственно геополитический дискурс, отделившись от политической географии, дискурсивно сопровождавшей процесс становления индустриального общества и нации-государства.

Итак, **геополитическое пространство формируется на индустриальной стадии существования цивилизации как совокупность взаимодействий наций-государств с природными и неприродными объектами системного характера в борьбе за ресурсы выживания и развития.**

---

[1] Окружающая среда [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари. Коллекция энциклопедий и словарей Режим доступа: http://enc-dic.com/ecology/Okruzhajuschaja-Sreda-683.html, дата обращения 12.11.2013.

[2] Там же.

[3] В конце XX в. начинается, а затем усиливается тенденция регионализации международной жизни, когда регионы внутри отдельного государства или регионы как совокупность государств приобретают в качестве субъектов международных отношений почти те же функции, что и государство-нация в предшествующий исторический период; возникает понятие «сетевого государства» или «государства-комплекса». Одновременно формируется феномен «корпорации-государства», о котором подробнее – далее в тексте статьи.

На наш взгляд, геополитика как наука и политическая практика в значительно большей мере, чем какая-либо другая наука и практика, выражает и отражает единство биологической и социальной природы человека. Соединение географии (географической науки) и политики (политической науки) и призвано было объяснить и спрогнозировать течение и исход борьбы прежде всего за природные ресурсы выживания и развития наций-государств. При этом выживание и развитие определялись степенью адекватности внутренней и внешней политики государства количественным и качественным характеристикам природной среды обитания данной нации.

Биологическая природа человека кардинально не изменилась на протяжении последнего столетия, но социальные характеристики как раз испытали качественные изменения: «…с изменением общества меняется сущность человека, представляющая собой простое отражение системы общественных отношений... Предыдущая история была сравнительно стабильной. Основную часть населения составляло крестьянство, жизненные устои которого не менялись даже при политических катастрофах... В наше время ситуация, изменилась. Социальные условия неудержимо меняются, население вырывается из исконных традиционных устоев и форм правления»[1].

Вследствие этого значение неприродных ресурсов выживания и развития социумов резко возросло. Геополитика из науки и социальной практики, основанных на **б и о** социальных характеристиках политических взаимодействий превратилась со второй половины прошлого века в науку и практику **с о ц и о** биологических и прямо социальных взаимодействий, регулируемых государством как основным политическим институтом. Вследствие произошедших изменений геополитические пространства «умножились»: к географическому прибавилось экономическое, информационно-кибернетическое и информационно-идеологическое пространства как наиболее важные для осуществления социальных взаимодействий и борьбы государств за ресурсы выживания и развития соответствующих сообществ людей в постиндустриальную эпоху. До предела упрощая вопрос, можно сказать, что экономическое пространство в основном возникает и функционирует на базе материальных потребностей человека, вызванных прежде всего его биологической природой, а информационно-идеологическое – на базе потребностей в развитии духовной сферы и политического участия всё больших масс людей, т.е. на основе высших социальных потребностей. При этом геополитическим, т.е. обеспечивающим выживание и развитие человеческих сообществ в борьбе за ресурсы различного рода, является не культурное или ментальное, а именно информационно-идеологическое пространство, поскольку идеология, в отличие от культуры, имеет характеристики аксиологичности, манипулятивности и ограниченности по времени существования, т.е. имеет свойство инструментальности и лабильности, необходимое для осуществления борьбы за ресурсы.

На рубеже XX–XXI вв. государство (нация-государство) перестало быть единственным актором геополитического взаимодействия. Вследствие, во-первых, перехода к постиндустриальной стадии развития человечества и, во-вторых, распада СССР и мировой системы социализма с их приверженностью преимущественно нерыночным способам экономического регулирования на арену геополитических взаимодействий (т.е. взаимодействий в рамках борьбы за ресурсы, как природные, так и социальные) вышли транснациональные и глобальные экономические корпорации, а также теневые международные структуры как экономического, так и политико-экстремистского характера – так называемые «новые акторы»[2]. Борьба за ресурсы природно-социальных пространств окончательно переместилась из пространства географического в пространства нетерриториальные: экономическое, информационно-кибернетическое, информационно-идеологическое.

Новейшая история знает пример взаимодействия актора негосударственной природы – корпорации Unocal – с государством Афганистан в первой половине 90-х годов прошлого века, в результате чего в середине того же десятилетия в государстве Афганистан изменились субъект политической власти и политический режим. Данное изменение произошло при содействии государства США и государства Пакистан («проект Талибан»). Целью Unocal, как известно, был нефтепровод, прошедший из Туркменистана через территорию Афганистана в Пакистан, т.е. проект, изменявший конфигурацию экономического пространства как США, так и нескольких стран Среднего Востока в нефтегазовом секторе, но потребовавший борьбы за такие ресурсы географического пространства Среднего Востока, как территория и коммуникации. Многочисленные примеры смены политических режимов в странах Ближнего Востока в период 2010–2013 гг. связаны, в частности, со стремлением крупных нефтегазовых корпораций США, Великобритании, Франции и Италии получить возможность преимущественной разработки мощных месторождений, которые до смены режимов являлись национализированной собственностью соответствующих государств, причем данным корпорациям оказали всемерную помощь структуры их государств базирования.

В связи с «умножением» геополитических акторов и геополитических пространств приходится говорить и об изменении сущности геополитического пространства, произошедшем на рубеже XX–XXI вв.

Геополитическое пространство – это совокупность акторов как государственной, так и негосударственной природы, а также их взаимодействий (системного характера) с природными и неприродными объектами, равно как и между собой – в борьбе за ресурсы выживания и развития.

Какова же типология геополитических пространств в XXI веке с учетом изменений, произошедших в составе геополитических акторов?

Исходя из критерия биосоциальной природы человека, геополитическими пространствами, на наш взгляд, следует считать: 1) географическое (ресурсы природного характера, используемые для обеспечения прежде всего биологических потребностей человека; превращение тела природных объектов неодушевленного характера в тело человека как существа одушевленного; использование вещественности и энергонасыщенности природных объектов для сохранения и развития телесности и энерговооруженности человека); 2) экономическое (ресурсы природно-социального характера, по большей части направленные на развитие телесности человека, но также на развитие его духовных характеристик, таких как экономика образования или экономика культуры); 3) информационно-

[1] Ивин А.А. Основы социальной философии. М.: Высш. шк., 2005. С 235.

[2] Подробнее о природе и типах «новых акторов» мировой политики см.: Лебедева М.М. Политическая система мира и новые участники международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.

идеологическое (духовные ресурсы выживания и развития, ориентированные на получение преимущества в борьбе за прочие ресурсы выживания и развития); 4) информационно-кибернетическое (коммуникативный ресурс развития).

Политическое пространство не является, на наш взгляд, геополитическим, ибо оно и есть «генеральный актор» борьбы за ресурсы, инициатор и организатор взаимодействий в геополитических пространствах. Культурное пространство, по нашему мнению, также не относится к геополитическим пространствам до тех пор, пока создающиеся и функционирующие в его рамках ценности не приобретают признаков оправдания экспансии в других пространствах, т.е. пока культурное пространство не превращается в идеологическое. В словарях находим: «Идеология – система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений — и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии), или радикального их преобразования (идеологии “левых” и “правых” движений). Идеология и форма общественного сознания – составная часть культуры, духовного производства»[1] Отличие идеологии от культуры в том, что идеология всегда оценочна, аксиологична. Именно это и необходимо для завоевания превосходства в других типах геополитических пространств. Идеология аксиологична, по данной причине может использоваться и используется как средство манипулирования, а потому сиюминутна (временна), тогда как культурные ценности «вечны» или долговременны и не имеют аспекта манипулятивности, данный аспект им придают именно политические цели их использования.

Между геополитическими пространствами нет четких и жестких границ. Географическое пространство может «перекрываться» экономическими пространствами различных акторов с отличающимися характеристиками (к примеру, экономическим пространством либерального толка и экономическим пространством с преимущественными этакратическими характеристиками одновременно: США и СССР, современные США и Куба), как и вообще экономическими пространствами разных акторов – государственных или негосударственных. Географическое пространство может быть и вовсе лишено корреляции с экономическим пространством – и даже пространством политическим. Так, государственные границы некоторых государств Северной Африки или Аравийского полуострова прочерчены «по линейке» (юг Египта, Ливии, Алжира), а отдельные участки госграниц Саудовской Аравии, Омана, ОАЭ и вовсе не демаркированы.

Информационно-идеологическое пространство, как правило, совпадает с пространством экономическим, поскольку именно идеологии разного рода обосновывают и оправдывают геополитическую экспансию определенных акторов.

Энергонасыщенность (возможность способствовать формированию социальных взаимодействий и отношений) и темпоральность (в данном случае – возможность регулирования скорости изменения этих взаимодействий и отношений) информационно-идеологического пространства может превосходить – или, наоборот, быть ниже – аналогичных характеристик с пространством экономическим. К примеру, либеральная идеология в современном мире совпадает по степени распространенности с либерально-рыночным экономическим пространством, являясь глобальным феноменом. Коммунистическая идеология соответствует этакратическому экономическому пространству, которое сегодня чрезвычайно сжато, практически до размеров одной страны (современная Северная Корея). Заметим, что как в либеральной, так и в коммунистической идеологии, особенно в последней, в наиболее явной форме содержится системное обоснование геополитической экспансии соответствующей нации-государства. Информационно-кибернетическое пространство как таковое вообще не коррелирует с географическим пространством, имея отношение лишь к пространству экономическому и – особенно – информационно-идеологическому.

Рассмотрим выделенные геополитические пространства подробнее, исходя из следующих параметров: 1) характеристики спатиальности (сущность, ресурсы, акторы и содержание взаимодействий и отношений), 2) характеристики темпоральности (сущность и скорость изменений спатиальных характеристик). Помимо этого, необходимо отметить, что любое пространство представляет собой систему, т.е. – целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях[2]. Отношения между элементами, как указывается в Философском словаре, формируют структуру системы. На наш взгляд, **структура любого геополитического пространства образована тремя основными элементами: 1) акторы, 2) ресурсы, 3) технологии борьбы за ресурсы.** Темпоральный аспект существования геополитических пространств выражается, по нашему мнению, в феномене режима функционирования (степень интенсивности взаимодействий).

Географическое пространство: В географических науках географическое пространство определяется как «форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени»[3]. Как объект освоения и присвоения социальным пространством (по П. Бурдье) географическое пространство представляет собой совокупность взаимодействий и отношений объектов ландшафта и недр с производящими и потребляющими структурами человеческого общества соответствующей экономической и социальной ориентации (сельскохозяйственное производство, добывающая и обрабатывающая промышленность, размещение производительных сил иного характера, функционирование городских и сельских поселений, торговые контакты, транспортные коммуникации и т.п.).

Основные акторы: 1) нации-государства (в том числе, в современном мире, их регионы, имеющие определенную степень международной самостоятельности), 2) глобальные и транснациональные корпорации.

---

[1] Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль / Под ред. В.С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/421/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF, дата обращения 14.11.2013.

[2] Система // Философский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philosophydic.ru/sistema, дата обращения 24.11.2013.

[3] Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трёшникова. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 56.

В первом случае использование ресурсов (и борьба за них) осуществляются в интересах определенной нации / ее правящего класса / наиболее влиятельной страты ее правящего класса – в зависимости от конкретной социально-политической ситуации в данном государстве. Цель борьбы за контроль над ресурсами географического пространства в данном случае – повышение уровня и качества жизни названных акторов. В современном мире, кроме так называемых «стагнирующих государств», правящие элиты тем или иным путем, в большей или меньшей степени вынуждены учитывать также интересы развития собственно нации, если не хотят столкнуться с соответствующими формами социального сопротивления. Объем «опасений» и действий по предотвращению нежелательных социальных сценариев зависит от степени развитости гражданского общества в рамках конкретной нации и его возможностей по контролю действий правящего класса.

Во втором случае борьба за ресурсы идет в интересах собственников соответствующей корпорации и ее топ-менеджмента. Целью является извлечение максимально возможной прибыли, точнее – получение оптимального соотношения «прибыль-издержки» (в том числе имеются в виду издержки на социальное партнерство и социальную ответственность бизнеса).

Основными ресурсами географического пространства являются: полезные ископаемые и сырье иного рода; пахотная земля; ландшафты, удобные для размещения поселений, портов и осуществления коммуникаций (в том числе воздушных и космических), а также климат.

Основные технологии борьбы за ресурсы географического пространства:

- силовой захват, или «горячая» война;
- создание лимитрофов;
- демографическая агрессия;
- поощрение сепаратизма и терроризма в государствах ресурсного региона[1].

Режим функционирования географического пространства зависит от особенностей конкретной геологической эпохи развития Земли, от стадии промышленного производства и геополитической природы конкретной совокупности акторов. В данный момент исторического развития, в условиях постиндустриального способа производства и относительно скорого истощения невозобновляемых природных ресурсов, интенсивность борьбы за ресурсы географического пространства со стороны геополитических акторов, особенно акторов экономической природы (ГК и ТНК), чрезвычайно высока, что приводит как к локальным «горячим» войнам (например, война в Ираке 2003–2013 гг., которую западная коалиция государств планирует закончить в 2014 г.), так и к преэмптивным войнам[2] (например, еще не завершенная Арабская весна 2010–2013 гг.).

Экономическое пространство: Если в случае географического пространства как «формы существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки» возможно говорить об энергии ландшафтов[3] и скоростях естественных процессов (физических, химических и проч.), то применительно к географическому пространству как объекту освоения и присвоения пространства социального становится возможным говорить об энергонасыщенности – как возможности возникновения в нем социальных взаимодействий и отношений – темпоральности – как соотносимости скорости социальных процессов с природными (определяющими перспективность и возможность освоения тех или иных природных ресурсов).

Сила человеческих потребностей, обусловливающая энергию человеческой преобразующей деятельности, выводит геополитическое пространство за рамки географии (отношений природных объектов и взаимодействий и отношений природных объектов и человека) и порождает такой тип геополитического пространства, как экономическое. Именно в динамике изменений характерных для данного типа пространства горизонтальных и вертикальных (социальных) связей наиболее отчетливо проявляется то сближение категорий «социальное пространство» и «социальное время», о котором писали Г. Спенсер и П. Сорокин. При этом темпоральность экономического пространства – сущность и скорость изменения экономических взаимодействий и отношений – почти целиком определяется возможностями тех или иных социальных агентов эти взаимодействия и отношения устанавливать (что также можно определить как «энергонасыщенность» соответствующего социального агента).

Акторами в данном типе пространства выступают экономические корпорации. В современном мире особую роль играют глобальные и транснациональные корпорации (ГК и ТНК). Глобальные корпорации сформировались именно после распада СССР и мировой системы социализма с их этакратической экономикой, поскольку соответствующие ТНК получили возможность глобальной экспансии, при этом их финансовый, организационный, научно-исследовательский и даже военный потенциал практически сравнялся с потенциалом определенных государств. Так, к примеру, капитализация Toyota Motor Corporation в 2013 г. составляла ¥20 654 млрд. (приблизительно равно $200 млрд.[4]), капитализация Chevron Corporation – $211 млрд.[5], что соответствует бюджету такой страны, как Индия ($218 млрд.), на $50 млрд. меньше бюджета Бельгии ($253 млрд.), в 5 раз больше бюджета Казахстана ($38,6 млрд.) и в 50 раз больше, чем бюджет Грузии ($3,88 млрд.) в 2012 г. (доходная часть)[6]. Среди частных военных компаний (ЧВК) назовем Military Professional Resources Inc. (MPRI), насчитывающую около 400 постоянных сотрудников и «в десятки раз большее число» привлеченных военнослужащих[7]. После ввода амери-

[1] Подробнее о способах борьбы за ресурсы географического пространства см.: Комлева Н.А. Структура мирового господства // Пространство и Время. 2012. № 1(7). С. 37–47.

[2] О сущности и технологиях преэмптивной войны см.: Комлева Н.А. Преэмптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и Время. 2012. № 2(8). С. 28–34.

[3] См., напр.: Зограбян Л.Н., Геворкян Ф.С. «Энергия рельефа», ее картирование и значение в процессе эрозии // Известия АН Армянской ССР. Науки о Земле. 1969. № 4. С. 80–86.

[4] Токийская фондовая биржа: история и перспективы развития, индексы и голубые фишки. [Электронный ресурс] // Investfunds. Группа Cbonds. 23.07.2013. Режим доступа: http://world.investfunds.ru/news/view/45767/, дата обращения 23.11.2013.

[5] Капитализация. [Электронный ресурс] // Форекс. Режим доступа: http://forexaw.com/, дата обращения 23.11.2013.

[6] Бюджеты стран мира-2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yestravel.ru/world/rating/economy/budget/, дата обращения 23.11.2013.

[7] Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино, 2013. [Электронный ресурс] // Центр страте-

канских войск в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г. именно MPRI получила контракты на создание новых армий этих стран, а до этого проводила «военные реформы» в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Нигерии, Экваториальной Гвинее и Колумбии (в последней стране – неудачно). MPRI уже несколько лет действует в современной Грузии, тренируя ее спецназ и армейские части (совместно с ЧВК SATMO)[1]. Данные о бюджете этой организации в открытой печати нам найти не удалось, но судя по масштабам деятельности, финансовые и организационные возможности MPRI сравнимы с возможностями армии такой страны, как, например, Чехия (35 000 военнослужащих и гражданских сотрудников[2], оборонный бюджет в 2013 г. – свыше $5 млрд.[3]). При этом, разумеется, нужно учесть, что ЧВК не имеют собственного оборонно-промышленного комплекса и не тратят средства на обеспечение его функционирования. Во всяком случае, в открытой печати нет сведений о собственном военном производстве, принадлежащем ЧВК, но научно-исследовательские и проектно-конструкторские структуры соответствующего профиля вполне могут быть элементами крупных ЧВК.

Основные ресурсы экономического пространства: тип экономической системы (доминирующая форма собственности, способ экономического регулирования), промышленный и финансовый потенциал.

Основные технологии борьбы за ресурсы экономического пространства:

- посредничество в доставке к потребителю и в использовании энергоресурсов и иных значимых товаров;
- строительство промышленных объектов и инфраструктуры на территории других стран, поставки оборудования;
- предоставление кредитов;
- экономические санкции[4];
- «черные» технологии: экономические диверсии и провокации, промышленный шпионаж (бизнес-разведка).

Режим функционирования экономического пространства в постиндустриальную эпоху в условиях геополитической однополярности характеризуется постоянно вспыхивающими экономическими войнами: 1) за передел определенного сектора экономического пространства с его ресурсами (войны «рыбные», «стальные», «калийные» и т.п.); 2) за передел некоего регионального объема экономического пространства современного мира и контроль над ним (создание экономических объединений типа НАФТА, Меркосур, АТЭС и т.п. с целью борьбы за использование ресурсов географического региона); 3) за передел всего объема мирового экономического пространства и прочный контроль над ним (ГК и ТНК сверхдержавы с использованием как собственных, корпоративных, ресурсов борьбы, так и с использованием различных, в том числе и военных, ресурсов государств своего базирования). В последнем случае – использования военных ресурсов государства базирования – экономические войны перетекают в форму «горячей» войны государств в географическом пространстве.

Для определения параметров спатиальности географического пространства в пространстве экономическом воспользуемся приведенным ранее тезисом Г. Спенсера о допустимости измерять (социальное) время «единицами пространства». При таком подходе вышеназванные параметры спатиальности могли бы, по нашему мнению, выглядеть следующим образом:

1) **протяженность** («длина», соответствует будущему в категориях «социального времени») – перспективы функционирования ГК и ТНК как основных акторов экономического пространства, а также используемых ими ключевых экономических технологий: чрезвычайно длительный период доминирования, равный, по нашему мнению, двум-трем последующим векам;
2) **распространенность** («ширина», соответствует настоящему в категориях «социального времени») – степень влияния на ход геополитического процесса ГК, ТНК и используемых ими ключевых экономических технологий: определяющая степень влияния.
3) **«высота (глубина)»**[5] (соответствует единству прошлого и настоящего в категориях «социального времени») – степень укорененности ГК и ТНК в геополитическом процессе: в современный период времени, как указывалось выше, это основные акторы геополитического процесса.

На наш взгляд, в ближайшем будущем в результате доминирования ГК и ТНК в геополитическом процессе:

- станут более частыми и более масштабными кампании по увеличению прибылей ГК, завуалированные некими глобальными общественными интересами: охраной окружающей среды, противостоянием терроризму, противодействием новым болезням («птичий», «свиной», «козий» грипп) и т.д.;
- постепенно, но значительно снизится степень защиты прав человека, особенно социально-экономических прав; вероятнее всего, этот процесс будет проходить в сопровождении пропагандистской кампании, утверждающей, что, напротив, права человека защищаются как никогда прекрасно;
- произойдет расцвет манипулятивных технологий обработки массового сознания, обеспечивающих приход к власти политиков, которые действуют, прежде всего, в интересах ГК;
- будет целенаправленно снижаться уровень образованности населения и степень его информированности о сущности реально происходящих экономических и социальных процессов;
- наука постепенно превратится в сервильную, обслуживающую в основном интересы ГК;

гической конъюнктуры. 15.03.2013. Режим доступа: http://conjuncture.ru/mpc_15-03-2013_04/, дата обращения 23.11.2013.

[1] Там же.

[2] Вооруженные силы Чехии. [Электронный ресурс] // Википедия. Интернет-энциклопедия. 2013. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%EE%F0%F3%E6%B8%ED%ED%FB%E5_%F1%E8%EB%FB_%D7%E5%F5%E8%E8

[3] Экономика Чехии. [Электронный ресурс] // Википедия. Интернет-энциклопедия. 2013. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%DD%EA%EE%ED%EE%EC%E8%EA%E0_%D7%E5%F5%E8%E8

[4] Подробнее о способах борьбы за ресурсы экономического пространства см.: Комлева Н.А. Структура мирового господства…

[5] Экономическое пространство, на наш взгляд, является (в силу семантических особенностей русского языка) одним из немногих (второй случай – пространство культурное), в качестве спатиальных параметров которого может использоваться термин «высота» – как отражающий экономическую составляющую социального статуса.

- роль государства будет минимизирована;
- в ткань гражданского общества будут во всё большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК;

Информационно-идеологическое пространств. Борьба за ресурсы географического и экономического пространств в условиях абсолютной заполненности ойкумены вызывает к жизни феномен информационно-идеологического пространства, т.е. совокупности взаимодействий оценочных мировоззренческих конструктов, созданных с целью оправдания экспансии конкретного геополитического актора и осуждения экспансии актора-противника (противников). Энергонасыщенность (возможность формировать взаимодействия и отношения) и темпоральность (скорость изменения таковых взаимодействий и отношений) идеологического пространства наиболее высокая из всех трех типов основных геополитических пространств, она фактически абсолютна. Идеологические конструкты имеют наивысшую степень изменчивости в сравнении с изменчивостью элементов экономического и, особенно, географического пространств. Среди идеологических конструктов, заполняющих информационно-идеологическое пространство и взаимодействующих между собой, всегда выделяется доминирующий. Это идеология сверхдержавы, понимать ли сверхдержаву как нацию-государство или как корпорацию-государство. То же касается и идеологии доминирующих глобальных корпораций (ГК), поскольку идеология ГК прочно коррелирует с официальной идеологией соответствующей сверхдержавы или великой державы, которые и являются государством ее базирования. В настоящее время доминирующей идеологией (пан-идеей, по терминологии К. Хаусхофера) является либерализм.

Основные акторы[1]:

- структуры государственного и негосударственного характера, в той или иной степени управляющие идеологическим процессом в данном социуме;
- деятели искусства и литературы;
- организаторы образовательного процесса и преподаватели;
- ученые-гуманитарии;
- журналисты и редакторы СМИ.

Основные ресурсы:

1) материальные:
   - учреждения образования, науки и культуры;
   - типографские мощности;
   - радио- и телевизионные станции;
   - кинопроизводство и кинопрокат;
   - торговые сети по распространению идеологической продукции;
   - спортивные сооружения.
2) нематериальные:
   - идеологические конструкты различной природы и содержания;
   - доминантное общественное мнение;
   - эмоциональная атмосфера общества.

Основные технологии[2]:

- научные исследования в области гуманитарного знания;
- образовательные технологии, в том числе и технологии, применяемые в ходе обучения национальных кадров для других стран в учебных заведениях данной страны;
- специфические технологии создания произведений искусства и литературы, благодаря которым, в частности, осуществляется создание и распространение мифов как с положительным, так и с отрицательным когнитивным смыслом (положительные конструкты применяются для обеспечения успеха актора-экспансиониста, отрицательные – для обеспечения поражения актора-реципиента, как правило, являющегося геополитическим противником экспансиониста);
- пропаганда и агитация, а также контрпропаганда, с их помощью осуществляется внедрение ментальных ценностей государства-экспансиониста или глобальной (транснациональной) компании-экспансиониста в массовое сознание государства-реципиента;
- к «черным» технологиям относятся: использование клеветы, искаженной информации; подмена понятий

Режим функционирования: непрерывные информационно-психологические и информационно-идеологические войны сетевого характера[3]. Основной фронт сетевой войны располагается в ментальном пространстве, где целью противника является разрушение традиционных базовых ценностей (в том числе и идеологических конструктов) данной нации и имплантация собственных ценностей и идеологических конструктов. Современная эпоха – это эпоха информационно-идеологических войн. Они намного дешевле «горячих войн», ведущихся в географическом пространстве, а их результаты никогда не опротестовываются эффективно и сохраняются неизмеримо дольше, чем результаты военных кампаний. К тому же, поскольку эти войны протекают без видимых жертв и разрушений, они не умаляют престижа актора-экспансиониста, не отнимают его символического капитала. Как финансово-экономический, материальный, так и символический капитал экспансиониста не только не расходуются, но умножаются в результате актов «тихой» идеологической агрессии.

---

[1] Подробнее об основных акторах и ресурсах информационно-идеологического пространства см.: Комлева Н.А. Идеологическая мощь: сущность, структура, акторы. // Известия УрГУ. Сер. 3: Общественные науки. 2011. № 1(88). С. 71–84.

[2] Подробнее о технологиях борьбы в информационно-идеологическом пространстве см.: Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Академический проект, 2007.

[3] Подробнее о сетевой войне см.: Сетевые войны: угроза нового поколения. Сб. статей. М.: «Евразийское движение», 2009.

Традиционные параметры спатиальности географического пространства в пространстве идеологическом могли бы, по нашему мнению, выглядеть следующим образом:

- протяженность: перспективы функционирования доминирующей идеологии в будущем; в случае идеологии либерализма это, как минимум, текущий век и значительная часть следующего,
- распространенность: степень распространенности доминирующей идеологии в мире; в настоящее время – абсолютная степень,
- глубина: степень укорененности доминирующей идеологии в массовом сознании; в данном вопросе однозначности нет, поскольку либеральная идеология поддерживается официальными структурами практически всех государств мира, но массовое сознание не столь однородно и содержит идеологические конструкты различной природы; в каждой отдельной стране соотношение либеральной идеологии и других ее форм специфично. Так, по данным 2013 г., только 52% россиян слышали о либеральных идеях хоть что-то, как следует из опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), при этом лишь 18% опрошенных относятся положительно к либеральной идеологии[1].

Информационно-кибернетическое пространство. Данный тип пространства, по нашему мнению, является вспомогательным по отношению к трем вышеописанным основным типам геополитических пространств, обеспечивая необходимый характер и интенсивность коммуникаций внутри них и между ними.

Структурные элементы данного типа геополитического пространства, на наш взгляд, таковы.

Основные акторы:

- компании, производящие и распространяющие программные продукты и компьютерную технику;
- государства, вырабатывающие и осуществляющие политику в сфере информационных технологий (не все государства имеют такую политику; некоторые государства вводят серьезные ограничения на использование информационных технологий, а также на функционирование в данном государстве всемирной сети Интернет – к примеру, Саудовская Аравия, Китай).

Основные ресурсы:

- программный продукт,
- компьютерная техника, компьютерные сети;
- раут-серверы;
- высококвалифицированная рабочая сила – программисты, наладчики компьютерных сетей.

Основные технологии:

- контроль производства и реализации программного продукта;
- распространение компьютерных вирусов (а также компьютерных червей, установка логических бомб) и хакерские атаки.

Режим функционирования: частые кибервойны.

Кибервойна – это противостояние в сети Интернет, направленное, в первую очередь, на выведение из строя компьютерных систем госорганов страны-противника, а также систем ее критических отраслей инфраструктуры[2]. Обычно акты кибервойны направлены против госструктур или экономических корпораций. Компьютерный вирус «Стакснет» (Stuxnet), который первоначально был обнаружен в компьютерах иранской АЭС в Бушере в 2010 г., стал первой вредоносной программой, способной инфицировать системы управления промышленных предприятий. Вирус представляет собой такую сложную программу, а условия его применения так специфичны, что, вероятно, он мог быть разработан и внедрен лишь целой командой высококлассных специалистов при серьезной финансовой поддержке. Его нейтрализация заняла целый год. Считается, что такая программа может стать основой для создания оружия нового поколения, которое будет применяться в кибервойнах между государствами[3].

Спатиальные характеристики информационно-кибернетического пространства таковы.

- протяженность: перспективы функционирования кибернетических систем и всемирной кибернетической коммуникации абсолютны и простираются на весь обозримый период существования человечества.
- распространенность: степень распространенности – глобальная.
- глубина: степень укорененности в системе коммуникаций человечества – абсолютная.

Что касается общего тренда эволюции режима функционирования геополитических пространств: агрессивные действия, направленные на резкое ослабление или ликвидацию способности геополитического противника (противников) к экспансии в данном типе геополитического пространства, в настоящий период времени усилились до такой степени, что военные действия в той или иной форме происходят постоянно во всех типах геополитических пространств. Это означает, что ресурсы географического пространства (невозобновляемые) близки к истощению, во всяком случае ресурсы относительно легко и относительно дешево добываемые, а ресурсы экономического и идеологического пространств становятся все более дорогими (в прямом смысле) и ценными. В связи с этим агрессия как элемент режима функционирования геополитических пространств будет, к сожалению, лишь усиливаться и приобретать всё более разрушительные и изощренные формы.

Глобальные геополитические пространства образуются относительно поздно: *глобальное географическое* – в XVI–XVIII вв. (великие географическое открытия и последующий раздел мира с образованием обширных империй, центром которых были европейские страны-метрополии; при этом особо отметим, что данный исторический период совпадает со временем становления и развития феномена нации-государства); *глобальное эконо-*

[1] Либерализм – это неизвестно что. [Электронный ресурс] // Русская планета. Режим доступа: http://rusplt.ru/society/liberalizm--eto-neizvestno-chto.html, дата обращения 24.11.2013.

[2] Кибервойна. [Электронный ресурс] // SecurityLab. Режим доступа: http://www.securitylab.ru/news/tags/%EA%E8%E1%E5%F0%E2%EE%E9%ED%E0/, дата обращения 24.11.2013.

[3] Компьютерный вирус «Стакснет». [Электронный ресурс] // Портал «Родон». Режим доступа: http://www.rodon.org/society-101014123959, дата обращения 24.11.2013.

мическое – на рубеже XX–XXI вв. после распада СССР и мировой системы социализма с их этакратической экономикой, сделавшей либерально-рыночную экономику всеохватной; *глобальное информационно-идеологическое*, с абсолютным господством либеральной идеологии появилось также на рубеже XX–XXI вв. после победы Запада в «холодной войне» против социалистического «Востока»; *глобальное информационно-кибернетическое* – в то же время, что и глобальное экономическое и информационно-идеологическое, поскольку возникла настоятельная необходимость во всемирной системе кибернетической коммуникации внутри глобальной сети экономических и идеологических акторов, а технические возможности сделали такую коммуникацию реальной.

Изменение объема пространств и превращение их в глобальные меняет не только их количественные характеристики, но и качественные. Нация-государство перестает быть актором геополитического процесса, поскольку победа либерально-рыночной цивилизации Моря над нерыночной цивилизацией Суши в лице СССР и мировой системы социализма породила феномен, называемый по-разному, но имеющий единую сущность: регион-государство (К. Омаэ), маркет-государство (Ф. Бобит), корпорация-государство (А. Фурсов) и т.п. Из патриотических соображений примем термин отечественного историка А. Фурсова – «корпорация-государство». Вот как данный автор определяет это явление: «корпорация-государство – это такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране; который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сократил их). ... Нация-государство не сразу превращается в корпорацию-государство. Сначала оно трансформируется в государство-корпорацию, так сказать, денационализируется, приватизируется. В корпорации-государстве от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способных вызвать протест и массовые волнения».[1] Теперь нация-государство становится социальным ресурсом борьбы корпораций во всех геополитических пространствах, но больше не является самостоятельным геополитическим актором. «Овцы съели людей»…

Каковы причины перехода статуса основного актора геополитического процесса от нации-государства как к корпорации-государству?

Геополитические акторы неодинаковы по объему совокупной мощи и возможностям осуществления экспансии. Вследствие этого их порядок представляет собой не ряд (горизонталь), а иерархию (вертикаль). Реалии XXI века таковы, что наверху данной иерархии находится вовсе не государство, (политический институт), даже представляющее собой так называемую сверхдержаву, а глобальные экономические корпорации (экономический институт). Как уже упоминалось выше, процесс превращения ГК в основной геополитический актор современности резко активизировался в период 90-х годов прошлого века и завершился в течение 2000-х. Этому обстоятельству, на наш взгляд, чрезвычайно способствовал распад СССР и мировой системы социализма. Сведение этакратической экономики стран социализма к ничтожному минимуму (КНДР, Куба) превратило либеральную рыночную экономику в глобальный абсолют. До 1991 г. геополитическая борьба во многом определялась идеологическими различиями двух межгосударственных систем – социалистической и капиталистической. Исчезновение коммунистической идеологии как активного фактора геополитического процесса в значительной степени снизило глобальную роль нации-государства как геополитического актора, поскольку идеологическая борьба ведется в основном государственными структурами. На первое место в геополитических баталиях вышла экономика, которой эффективнее занимаются ТНК и ГК, чем государство. Ментальным отражением этого глобального изменения стало возникновение в 80-х годах прошлого века и расцвет в настоящее время такой науки, как геоэкономика. Мощно эволюционировав на протяжении второй половины XX в., глобальные корпорации (ГК) в настоящее время обладают такими же возможностями применения «жесткой» и «мягкой» силы для осуществления своей экспансии во всех пространствах, как и государства. Современные ГК обладают военной силой (так называемые частные военные корпорации и частные вооруженные контингенты – ЧВК, используемые для охраны экономических объектов, к примеру, трубопроводов, а также для силового захвата необходимой ГК территории). Имеются и разведывательные структуры, сопоставимые по количественному составу и материальным возможностям с разведкой небольших государств. В конце 2000-х годов XXI века, как представляется, явственно проступила закономерность, с неизбежностью вытекающая из сущности процесса либерально-рыночной глобализации: постепенное, но повсеместное замещение элементов мощи государства, военной, экономической, идеологической, элементами мощи ГК[2]. Недаром на рубеже XX – XXI вв. в среде экономической элиты стали особенно популярны высказывания, сводящиеся к единой словесной конструкции: «Что хорошо для данной ГК (Sony, Boeing, General Motors, etc.), то хорошо и для всего мира». Такова, на наш взгляд, суть процесса эволюции нации-государства в корпорацию-государство.

Нация-государство, тем не менее, остается, по нашему мнению, основным «открытым» актором геополитического процесса, поскольку только государство имеет легитимную возможность и оптимальный объем внутренних ресурсов для применения во внешней политике как «жесткой», так и «мягкой» силы. Но, несомненно, основной латентный актор современного геополитического процесса, активно влияющий, в том числе, и на геополитическое поведение любого из государственных геополитических акторов – это глобальные корпорации и форми-

[1] Фурсов А.И. Государство – оно же корпорация. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/gosudarstvo_ono_zhe_korporacija/2008-01-01-6 Дата обращения: 23.11.2013.

[2] Подробнее о такого рода замещении см.: Комлева Н.А. Государство и глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции, СПбГУ, декабрь 2010 г. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 175–177.

руемое ими «корпорация-государство». Поскольку развитие мира, и общества в том числе, происходит цикличе-ски-волновым образом, этап развития социума, связанный с господством ГК, через несколько десятилетий постепенно сменится этапом, характеризующимся подъемом, а затем и расцветом совокупной мощи государства как социального института. Однако это будет уже несколько иное государство, чем то, к которому мы привыкли на современном этапе истории человечества – как и ГК предстоящего периода развития.

Глобализация геополитических пространств и изменение акторов геополитического процесса, идущие рука об руку, изменили как иерархию геополитических пространств, так и понятие ключевых геополитических ресурсов. Если основным или даже единственным (в зависимости от эпохи развития человечества) актором борьбы за ресурсы географического пространства, в индустриальную эпоху воспринимавшихся ключевыми, является нация-государство, то в постиндустриальную эпоху в условиях победы геоцивилизации Моря актором борьбы за ресурсы выживания и развития становится корпорация-государство, и корпорацию (экономический автор) не интересует выживание и развитие нации в степени большей, чем сохранение необходимого количества и качества рабочей силы, употребляемой для производства и обслуживания. Основными ресурсами становятся ресурсы экономического, а не природного характера, или, по предложенной нами ранее классификации[1] – тип экономической системы, соответствующая данному типу политическая система (в совокупности – социальные ресурсы), а также идеология (ментальный ресурс). Идеология, в данном случае – либеральная в разнообразии ее разновидностей, оправдывает и развивает в информационно-идеологическом пространстве борьбу глобальных корпораций и их государств базирования за ресурсы выживания и развития в рамках пространства экономического.

Изменяется и технологическая составляющая структуры геополитических пространств: геополитические технологии становятся во всё большей мере манипулятивными и агрессивными.

Иерархия геополитических пространств, по нашему мнению, в настоящее время такова. Информационно-кибернетическое пространство, как было сказано выше, является вспомогательным, однако его «помощь» так важна, что без него в современной период времени совершенно нельзя обойтись. Не только экономические операции, но и идеологические акции получают наибольшую действенность лишь тогда, когда «проведены» через всемирную кибернетическую сеть Интернет. Это связано как с упоминавшимся процессом глобализации геополитических пространств, так и со все большим значением информационно-идеологического пространства. Значение последнего растет потому, что всё ещё функционирующие элементы нации-государства в виде структур гражданского общества и института всеобщего равного избирательного права сохраняют общественное мнение в качестве важного фактора поддержки властных решений. Технологии изменения ориентаций массового сознания, манипулирование массовым сознанием необходимы, чтобы представить интересы ГК и ТНК как интересы нации в целом. Доминанты массового сознания, эмоциональная атмосфера и т.п. создаются пропагандой и контрпропагандой и функционируют именно в информационно-идеологическом пространстве. Господствующая сегодня постиндустриальная smart-цивилизация, основанная на «экономике знаний», требует применения smart-power и в геополитическом процессе. Таким образом, информационно-идеологическое пространство, на наш взгляд, является основным геополитическим пространством современности. Второе по значению сегодня – пространство экономическое. Географическое пространство, занимавшее первое место среди геополитических пространств индустриальной эпохи, сегодня является последним по значению из трех основных геополитических пространств.

Таким образом, пространство как совокупность взаимодействий и отношений становится геополитическим пространством тогда, когда содержанием взаимодействий внутри него выступает борьба за ресурсы выживания и развития. Вначале это борьба индустриальных наций-государств, и основным пространством является географическое с его природными и природно-социальными ресурсами, а затем, с формированием постиндустриальной smart-цивилизации и такого геополитического актора, как корпорация-государство, основным геополитическим пространством становится идеологическое.

Неразрывная связь спатиальности и темпоральности геополитического пространства порождает настоятельную необходимость создания единой методологической базы геополитики и хронополитики, но этот аспект функционирования геополитических пространств – тема отдельного самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджеты стран мира-2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yestravel.ru/world/rating/economy/ budget/, дата обращения 23.11.2013.
2. Вооруженные силы Чехии. [Электронный ресурс] // Википедия. Интернет-энциклопедия. 2013. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооруженные_силы_Чехии, дата обращения 24.11.2013.
3. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трёшникова. М.: Советская энциклопедия, 1988.
4. Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9 (5). С. 4–13
5. Зограбян Л.Н., Геворкян Ф.С. «Энергия рельефа», ее картирование и значение в процессе эрозии // Известия АН Армянской ССР. Науки о Земле. 1969. № 4. С. 80–86.
6. Ивин А.А. Основы социальной философии. М.: Высш. шк., 2005.
7. Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 2. С. 28–44
8. Капитализация. [Электронный ресурс] // Форекс. Режим доступа: http://forexaw.com/, дата обращения 23.11.2013.
9. Кибервойна. [Электронный ресурс] // SecurityLab. Режим доступа: http://www.securitylab.ru/news/tags/%EA%E8%E1%E5%F0%E2%EE%E9%ED%E0/, дата обращения 24.11.2013.
10. Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // Пространство и Время. 2013. №№ 3, 4.
11. Комлева Н.А. Государство и глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса. // Политические институты в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции, СПбГУ, декабрь 2010 г.

[1] См.: Комлева Н.А. Геополитические ресурсы: попытка классификации // Пространство и Время. 2013. №№ 3, 4.

СПб.: СПбГУ, 2010. С. 175–177.
12. Комлева Н.А. Идеологическая мощь: сущность, структура, акторы. // Известия УрГУ. Сер. 3: Общественные науки. 2011. № 1(88). С. 71–84.
13. Комлева Н.А. Преэмптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и Время. 2012. № 2(8). С. 28–34.
14. Комлева Н.А. Структура мирового господства // Пространство и Время. 2012. № 1(7). С. 37–47.
15. Компьютерный вирус «Стакснет». [Электронный ресурс] // Портал «Родон». Режим доступа: http://www.rodon.org/society-101014123959, дата обращения 24.11.2013.
16. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. [Электронный ресурс] // Центр стратегической конъюнктуры. 15.03.2013 Режим доступа: http://conjuncture.ru/mpc_15-03-2013_04/ , дата обращения 23.11.2013.
17. Лебедева М.М. Политическая система мира и новые участники международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004.
18. Либерализм – это неизвестно что. [Электронный ресурс] // Русская планета. Режим доступа: http://rusplt.ru/society/liberalizm--eto-neizvestno-chto.html, дата обращения 24.11.2013
19. Молчанов А.М. Возможная роль колебательных процессов в эволюции // Колебательные процессы в биологических и химических системах. М.: Наука, 1967. С. 274–288.
20. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль / Под ред. В.С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/421/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF, дата обращения 14.11.2013.
21. Окружающая среда [Электронный ресурс] // Энциклопедии & Словари. Коллекция энциклопедий и словарей. Режим доступа: http://enc-dic.com/ecology/Okruzhajuschaja-Sreda-683.html, дата обращения 12.11.2013.
22. Пространства России / Под ред. Д.Н. Замятина. М.: Мирос, 1994.
23. Ратцель Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение. Т. 1–2. СПб., 1903–1906.
24. Серто М. де. Практика повседневной жизни. Часть III. Пространственные практики // Прогнозис. 2010. № 1(20). С. 151–183.
25. Сетевые войны: угроза нового поколения. Сб. статей. М.: Евразийское движение, 2009.
26. Система // Философский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philosophydic.ru/sistema, дата обращения 24.11.2013.
27. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108–115.
28. Современная западная философия. Словарь / Под ред. В.Н. Садовского. М.: Изд. полит. литературы, 1991.
29. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000
30. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 2. Классификация наук [Электронный ресурс] // Библиотека «Полки букиниста». Режим доступа: http:// society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html
31. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука, 2003.
32. Сывороткин В.Л., Тынянова О.Н. Тезисы о физической и социальной природе времени // Система Планета Земля (Нетрадиционные вопросы геологии). Материалы XX семинара / Геологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 533–544.
33. Токийская фондовая биржа: история и перспективы развития, индексы и голубые фишки. [Электронный ресурс] // Investfunds. Группа Cbonds. 23.07.2013. Режим доступа: http://world.investfunds.ru/news/view/45767/, дата обращения 23.11.2013.
34. Тынянова О.Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах «Пространство и время». 2013. Т. 3. Вып. 1: «Пространство и время границ». Режим доступа http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-1/, дата обращения 07.11.2013.
35. Фурсов А.И. Государство – оно же корпорация. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/gosudarstvo_ono_zhe_korporacija/2008-01-01-6, дата обращения: 23.11.2013.
36. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001
37. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Академический проект, 2007.
38. Экономика Чехии. [Электронный ресурс] // Википедия. Интернет-энциклопедия. 2013. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Чехии, дата обращения 17.11.2013.
39. Ashley R.K. "The Geopolitics of Geopolitical Space: Toward a Critical Social Theory of International Politics." *Alternatives* 12.4 (1987): 403–434.
40. Bond P. "Global political-economic and geopolitical processes, structures and trends." *Globalization and Health: Pathways, Evidence and Policy*. Eds. R. Labonte,T. Schrecker, C. Packer, and V. Runnels. New York – London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2009, pp. 63–80.
41. Cowen D, Smith N. "After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics." *Antipode* 41.1 (2009): 22–48.
42. Moisio S., Paasi A. "From Geopolitical to Geoeconomic? The Changing Political Rationalities of State Space." *Geopolitics* 18.2 (2013): 267–283.
43. O'Tuathail G. Geopolitical Structures and Cultures: Towards Conceptual Clarity in the Critical Study of Geopolitics." *Geopolitics: Global Problems, Regional Concerns*. Winnepeg: University of Manitoba Press, 2004, pp. 75–102.
44. Pinkerton A., Dodds K. "Radio Geopolitics: Broadcasting, Listening and the Struggle for Acoustic Spaces." *Progress in Human Geography* 33.1 (2009): 10–27.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:
Комлева, Н. А. Несколько замечаний относительно природы и типологии геополитических пространств / Н.А. Комлева // Пространство и Время. — 2014. — № 1(15). — С. 90—101. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st1-15.2014.33.